
Истина
мёртвых
Климентина Чугункина
18+

Климентина Чугункина
Истина мёртвых

https://litres.ru/74887783
SelfPub; 2026

Аннотация

Марлена и Криденс - родные брат и сестра из богатого аристократического семейства. С детства девушка умеет общаться с мёртвыми, и об этой её особенности знает только брат. Во время их визита на Лазурный берег она знакомится на кладбище с загадочным господином в чёрном, который рассказывает ей немало увлекательных историй о жизни людей из прошлого, что ныне лежат в могилах. Позднее, когда они отправляются в гости в шотландский замок, её брата начинает одолевать злобный призрак, желая заполучить его в свой мир. При помощи своего нового друга они все вместе пытаются отразить опасность.

Содержание

История горничной 4
Рассказы мсье Ди 34
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Климентина Чугункина
Истина мёртвых

История горничной

Моей верной подруге, хранительнице моих тайн Дэзи Палмер

Дорогой дневник! Меня зовут Дэзи и я горничная в доме графа Грентама. Тебя мне подарила моя госпожа за оказание одной, очень важной для неё услуги, но какой, я даже тебе не осмелюсь открыть. Мою хозяйку зовут Марлена Грентам, она дочь графа, и, подарив мне тебя, она просила, чтобы я делилась с тобой всеми своими секретами. Так что ты будешь хранителем моих тайн, в точности как я являюсь хранительницей её секретов. Я буду делиться своими мыслями с тобой, не указывая дат, чтобы случайные чтецы не могли сопоставить события.

Итак, как и в любом дневнике молодой девушки, будь то благородная графиня или распоследняя дочь трактирщика, я начну с того, что немного расскажу о себе. Мне восемнадцать лет и я работаю в доме графа Грентама уже четыре года, как я сказала, личной горничной его дочери Марлены, с которой я очень близка. Зарекомендовала я себя как хо-

рошая опытная служанка, и даже более того, потому что я никогда и ни за что не выдам чужих секретов. Всё, что касается моей леди, я буду хранить свято. Мне пришлось бросить школу в тринадцать лет, чтобы помогать семье, в которой, не считая меня, ещё десять детей. Сперва я работала в доме Райчелов кухонной девчонкой на побегушках, а когда они переехали, перешла в этот дом. Мне повезло, что почти сразу удалось заполучить такое хорошее место. Леди Марлене минуло пятнадцать, ей потребовалась личная прислуга, и она настояла на том, чтобы ею стала именно я, хотя подобного опыта работы у меня не имелось. Но ты не знаешь леди Марлену, мой дорогой дневник. Ей всегда удаётся заполучить то, что хочется; не думаю, что только потому, что она графская дочка. Просто иногда она бывает очень настойчивой. Мне назначили месячный испытательный срок, в течение которого я обучалась необходимым навыкам под руководством опытной личной горничной самой миледи графини. Я всё схватывала на лету, была ловкой и понятливой, поэтому меня утвердили в работе, и вот как уже четыре года я разделяю с хозяйкой все её тайны. Я стала незаменимой помощницей в её авантюрных похождениях по некоторым местам, верным товарищем и даже подругой, насколько это возможно между нашими занимаемыми положениями в обществе, потому что по возрасту мы почти равны. Она старше всего на год.

А ещё вот уже как двенадцать месяцев и двадцать три дня

я тайно влюблена в её старшего брата, мастера Криденса, которому уже двадцать один год. Боже, я написала это, и вся покраснела!

Дорогой дневник, я понимаю, как безнадёжна моя любовь. Мало того, что она безответна, так ещё и огромная пропасть из-за разницы в положениях разделяет нас. Он будущий граф и наследник огромного состояния, а я всего-то служанка его сестры и у меня нет никакого «приличного» будущего. Как глупо жить в мире, в котором классовые различия решают всё!

Ровно год назад в этом доме устроили госпиталь для раненых офицеров, мастер Криденс принимал в его организации и работе живейшее участие. Он сам получил ранение в грудь на фронте, вернулся домой, но не опустил руки, а принялся за ту деятельность, в которой мог быть полезен. Он стал появляться в доме намного чаще, мы всё время сталкивались, а военная форма так сильно ему шла, что я не могла не влюбиться.

Он такой красивый. Безупречно красивый. Совершенный по красоте. У него пепельные волосы и светло-серые глаза. Как и у леди Марлены. А ещё он очень хорошо сложен. Я замираю, когда вижу его. Но он ни разу не обратил на меня внимания. Кто я для него? Всего лишь служанка… Одна из многих в доме его отца.

Иногда я не могу уснуть почти всю ночь, засыпаю только под утро. Мне так грустно думать, что ещё многие годы мне

придётся пребывать в одиночестве, а Он – я пишу о нём с большой буквы – будет с другой женщиной на моих глазах. Хотя я недостаточно искренна. Я не одинока. У меня есть моя хозяйка, о которой я знаю всё, включая то, чего о ней не знает никто, даже её родители. Когда мы одни, разница между нами исчезает, тогда мы просто подруги. Но на людях нам приходится притворяться. У неё очень строгий отец. Граф Грентам благородный и справедливый человек, но в своих взглядах очень консервативен и привержен традициям. Он не жалует людей, которые поступают в разрез с его убеждениями. И от своих детей он требует безукоризненного поведения. Если честно, я его немного побаиваюсь и молю, чтобы мне никогда не пришлось остаться с ним один на один и получить от него взбучку, как это почти на моих глазах случилось с одним из наших лакеев.

Что касается миледи, то она полная противоположность своему мужу. Графиня Грентам очень мягкая, добрая, сердечная женщина. От леди Марлены я знаю, что только ей удаётся, благодаря своему кроткому и мягкому характеру, усмирять гнев графа в тех случаях, когда он сильно недоволен чем-либо. Чаще всего это касается поведения его дочери, хотя я знаю, что и на мастера Криденса он бывает сердит.

Моя хозяйка настоящая красавица, вся в мать, и завидная невеста. Думаю, когда война закончится, кавалеров у неё прибавится, да ещё приедет тот маркиз, что так настойчив в письмах к ней. Однако у леди Марлены на уме вещи совер-

шенно другого характера. Но выдать её секреты я не осмелюсь даже тебе, мой дорогой дневник.

А о мастере Криденсе я уже рассказала.

Ну вот, вступление написано. Теперь я спешу будить свою госпожу.

Конец войны!!! Сердце радуется всякий раз, как представлю, что наши мужчины наконец-то вернутся домой, и не будет больше боли и смертей. 11.11. Отмечаю эту единственную дату, потому что это важнейшее событие для каждой семьи в нашей стране. Граф собрал всех нас в большом зале и поделился сей радостной новостью, потом велел всем налить по бокальчику пунша и произнёс тост за победу. Мы выпили. А потом все обнимались и смеялись, радовались как дети.

Госпиталь свернули. Последние офицеры покинули Грентам-Мэнор. Теперь всё вернётся в прежнее русло, и жизнь войдёт в свою колею. А ведь я так боялась всё это время, что мастер Криденс может погибнуть. Он, конечно, храбрец, каких поискать, но шальная вражеская пуля не щадит никого. Какое счастье, что весь этот кошмар позади!

Дорогой дневник, прости, что обращаюсь к тебе так редко, но мне действительно не о чем писать. Моя жизнь скучна и однообразна. А о повседневных заботах я не вижу смысла записывать.

Сочельник. Канун Рождества. Получила подарки.

Новый 1919 год. Получила ещё один подарок от леди Марлены. Милорд устроил «бал для слуг». Я танцевала с мастером Криденсом, дорогой дневник. Не веришь? Мне самой-то с трудом в это верится.

Он сам пригласил меня, когда я вступила в большой зал в лучшем платье, какое только нашлось в моём скромном гардеробе. Спросил, не желаю ли я станцевать этот танец с ним, обратился ко мне, как если бы я была леди. Я была на седьмом небе от счастья и с трудом избавилась от ступора, подавая ему руку. Музыка лилась из граммофона, который моей хозяйке подарили родители. Мне показалось, что прошла вечность, пока я танцевала со своим возлюбленным. Его прикосновения прожигали меня сквозь одежду. Я чувствовала, как горят мои уши. Я не смела смотреть на него, а он наверняка посчитал меня глупой, раз на все его фразы я отвечала кивком, не в силах вымолвить ни словечка. Больше он не стал со мной танцевать, переключив внимание на других горничных. Так что второй танец я танцевала с нашим дворецким, мистером Карсоном. А потом мне была оказана честь танцевать с самим милордом. Уверена, что это подстроила леди Марлена. Она знает, как сильно я робею перед её отцом. Я была у графа Грентама третьей партнёршей после экономки миссис Хьюз и личной горничной миледи миссис Беккет, которая когда-то обучала меня моей работе.

Граф вёл меня блестяще, несмотря на годы, и весь танец промолчал, чему я была рада. Во время танца я заметила, как леди Марлена, чьим партнёром был Джек, второй лакей, мне подмигнула и улыбнулась, а значит, эта проделка – её рук дело. Потом меня ещё хотел пригласить камердинер мастера Криденса, но я отказала, сославшись на усталость. Мне просто не хотелось, чтобы этот старый Доусон оттоптал мне ноги. Понаблюдав, как моя госпожа танцует с мистером Карсоном (она с детства была его любимицей), я ушла к себе.

Вобще странно, что Доусон был так внезапно прикреплён к молодому хозяину, ведь во время войны мастер Криденс обходился без слуги. Я знаю, как сильно они оба недовольны друг другом, но таково особое распоряжение милорда.

Это был поистине волшебный вечер. Кто станет спорить, что в Новый год не сбываются мечты? Буду переживать заново эти волнующие моменты, пока не засну, и надеюсь, что любимый приснится мне…

Три дня не видела мастера Криденса. Грустно и скучно.

Мастер Криденс уехал в столицу на неопределённый срок. Моё сердце мучается безмерно. Только и способна, что думать о любимом, а ведь ещё как-то надо справляться со своими обязанностями.

Леди Марлена опять попала в историю. Я в последний момент пришла ей на помощь, так что никто ни о чём не узнал.

Как ты думаешь, дорогой дневник, стоит ли рассказать леди Марлене о моей любви к её брату? Так хочется поделиться с кем-нибудь своими чувствами, но в то же время я боюсь, что она меня не поймёт.

Приехали гости. Всё знакомые по фронту мастера Криденса. Пробудут тут около полутора недель. Видела его мельком, показалось, что чем-то озабочен. Моя госпожа вечером подтвердила это наблюдение, упомянув, что её брат за столом был задумчив, несмотря на присутствие друзей, словно он не был рад их видеть. Я думаю там, на фронте, что-то произошло между ним и ещё кем-то, и теперь один из прибывших гостей и бывших офицеров напоминает ему о чём-то очень неприятном, о том, что он предпочёл бы забыть.

Охотятся. Мастер Криденс вдруг стал уделять мне внимание. Вчера таким взглядом окинул. Я так долго этого ждала, но теперь вдруг страшусь дальнейшего развития событий. Неужели в его душе зарождается чувство? Хотела бы, что бы только мне это показалось, но если так, я стану счастливейшей из женщин. Боже, за один час с ним я готова вытерпеть, что угодно, и даже самые страшные последствия меня не пугают.

Дорогой дневник, у меня сложилось впечатление, что ма-

стер Криденс хочет мне что-то сказать. Сегодня я дважды сталкивалась с ним в галерее, что само по себе необычно (разве у него нет других дел, кроме как подкарауливать меня?), и у него было такое выражение на лице, будто он хочет, но не решается заговорить. Оба раза мне хотелось обернуться, дабы посмотреть, не провожает ли он меня взглядом, но я не осмеливалась. Мы с ним оба такие робкие, когда дело касается чувств. Мы можем быть схожи и во многом другом тоже. Что-то он всё-таки хочет мне сказать? Но я повторяюсь.

Приехали ещё двое молодых симпатичных джентльменов. Как объяснила леди Марлена, чтобы свататься к ней. У одного из них титул маркиза. Это тот самый её давний знакомец по переписке. Они встретились в прошлом году, когда моя госпожа уезжала в столицу, где была представлена ко двору. Я тогда сильно болела и не поехала с ней. Теперь эти двое заявились якобы совершенно случайно, но моя хозяйка уверена, что их приезд это дело рук её отца. Она сказала, родители теперь, когда война, закончилась, сильно озабочены тем, как бы поскорее выдать свою дочь замуж. Хотя в голове леди Марлены нет места красивым, знатным и богатым женихам, будущей свадьбе и семейной жизни. И ей обидно, что от её брата не требуют подобного, а ведь он наследник и старше её, так что ему тоже стоило бы задуматься о женитьбе. Но отец насел на неё одну и не желает слушать никаких возражений. Подобные речи доставили мне маленькую неприят-

ность. Просто невыносимо представлять мастера Криденса в объятиях другой.

Гостей в доме много, а у слуг прибавилось работы. У меня тоже, ведь леди Марлена должна блистать каждый день. А завтра будут танцы. Граф Грентам уже сделал дочери внушение, что она должна быть вежлива и говорить только о тех вещах, о которых пристало говорить юным благовоспитанным леди. Мне вспомнился тот случай, когда в гостях у шотландских родственников за обеденным столом леди Марлена в первый день поинтересовалась, есть ли поблизости кладбища, потому что она не мыслит себя без прогулок по подобным местам. Её отец побагровел от гнева, но остальные восприняли её слова как шутку, посчитав, что она начиталась готических романов.

Танцы в большом зале завершились очень поздно. Как следствие, леди Марлена отпустила меня глубокой ночью. В полутёмном коридоре я столкнулась с мастером Криденсом. Кроме нас больше никого не было, и он вполголоса заговорил со мной. И обратился он ко мне, не как к служанке.

- Пожалуйста, Дэзи, приходи в мою комнату, как все улягутся.

Я сделала вид, что ничего не услышала. Я прошла мимо, не взглянув на него. Только добравшись до своей коморки на женской половине слуг, я осознала смысл сказанного. Я твёрдо решила, что пойду к нему. Несомненно пойду, а там

– будь что будет.

Невероятно, волшебно… Только что вернулась от мастера Криденса и пишу сейчас, потому что всё равно не засну, к тому же совсем скоро наши первые пташки уже встанут, чтобы заняться хозяйством. Так и буду перебирать в памяти всё, что пережила за минувшие часы. Лишь бы утром госпожа не заметила моего состояния, иначе последуют вопросы, а я ужасная лгунья. И тем более счастьем не хочется делиться ни с кем, кроме тебя, мой дорогой дневник. Я больше не открою никому, что произошло между мной и мастером Криденсом этой ночью.

Итак, как только всё в доме окончательно затихло, я направилась прямиком к НЕМУ. Я была тихой как мышка и очень осторожной. На всякий случай, если бы меня вдруг застукал мистер Карсон или ещё кто, я придумала, что скажу, будто направляюсь в покои леди Марлены якобы забрать кружевные перчатки, которые требуют срочной починки. Я была уверена, что моя хозяйка в любом случае прикроет меня, как и я не раз прикрывала её. Но мне никто не встретился. Дом вымер, все устали от суматохи минувшего дня и спали крепко.

И вот я подошла к заветной двери, но замерла в нерешительности. От страха сердце в ушах колотило бешеным темпом. Я не знала, стоит ли стучать или следует просто повернуть ручку. И я боялась, вдруг я не так поняла слова мастера Криденса и лишь вообразила себе его приглашение. Или

вдруг он решил подшутить надо мной и сейчас ожидает меня вместе со своими друзьями? А если позабыл о сказанном и теперь спит? За свой поступок я лишусь работы мгновенно и даже не получу рекомендаций. Леди Марлена, конечно, в любом случае что-нибудь придумает, ведь я нужна ей, но потом придётся объясняться с ней лично. И тогда мне не удастся скрыть от неё мучительную любовь к её брату.

Моменты колебаний прошли. Ледяной рукой взялась я за ручку двери его комнаты и медленно, очень медленно повернула. Дверь поддалась тихо и легко. Я оказалась в уютной комнатке в багровых тонах с жарко натопленным камином. Если у сестры уйма вещей была разбросана повсюду, то у брата царили спартанские условия, никаких лишних мелочей, всё разложено по-военному, в строгом порядке, но от этого помещение не казалось необжитым и пустым, просто каждой вещи было выделено своё, определённое место. Но для меня комната моего возлюбленного в любом случае была бы уютной и полной очарования.

Мастер Криденс сидел в кресле у камина, вытянув ноги. Он не переоделся, только снял сюртук, и я подумала, что к обоюдному удовольствию, услуги старого Доусона в этот раз не понадобились. Он лениво смотрел в огонь, но, как я вошла, живо встрепенулся и поднялся. Безмолвный, он прошёл к двери и запер её на задвижку, я же вся замерла от его близости. Пепельные волосы были в беспорядке, а ворот рубашки ничем не прикрыт. Полутени плясали по его лицу, пото-

му что только камин освещал комнату, отчего мой любимый выглядел ещё красивее и притягательнее.

- Я рад, что ты пришла, Дэзи, - сказал он и взял меня за руку.

Руки у него были такими тёплыми, пальцы мягкими и приятными. Мои-то конечности все заледенели от страха. Представляю, что он подумал, когда сжал мои ледышки. Наверняка, я казалась ему жалкой замухрышкой, тем более что я опять отвернулась в сторону, всё никак не решаясь смотреть прямо в его безупречное лицо.

А мастер Криденс молчал и не сводил с меня глаз. Возможно, подбирал подходящие слова.

Это мгновение растянулось на целую вечность. Я не понимала, почему он ни словом, ни жестом не выдаёт своих намерений. Сама-то я единственно из-за робости едва могла дышать. Только представь, дорогой дневник, мой возлюбленный стоял так близко и держал меня за руку. Моя мечта сбылась. Вот он, тот, за кем я последую куда угодно.

Тут мастер Криденс осознал, что мы уже очень долго так стоим, и ожил, пробуждаясь от оцепенения. Он потянул меня к своей кровати. Я села на самый краешек, он рядом, но руки его я не отнимала. Я так долго мечтала о подобном моменте, что мне даже на секунду не хотелось отпускать его от себя.

- Смею ли я думать, что ты испытываешь ко мне чувство, Дэзи? – спросил он, и звуки его голоса казались мне пре-

красной музыкой.

Да, да, да. Кричало моё сердце.

Лицо горело огнём. По нему прочитал он ответ, потому что я так и не решилась подать голос. Я сама себе была противна за подобное поведение, за эту неуместную робость. Будто я немая идиотка, а не желанная женщина для него.

- Но ты должна понимать, даже если твоё чувство взаимно, что у нас не может быть абсолютно никакого будущего.

Неужели он позвал меня ради того, чтобы говорить подобные вещи?

- Я ничего не прошу у вас, мастер Криденс, - с трудом отозвалась я.

Моя робость может привести к тому, что я буду жалеть всю оставшуюся жизнь, что не сделала то-то и то-то, хотя была возможность. Мне хотелось пожирать его глазами, хотелось впитывать его красоту в себя, но я лишь смотрела на его изящную кисть. Я с силой стиснула его ладонь.

- Просто мне хочется, чтобы всё было по-честному с самого начала, - пояснил он, неверно истолковав мой жест.

- Я ведь не подавала вам повода. Не выдавала себя ничем, - я едва не шептала от волнения.

- Но всё же я понял по твоим глазам.

- Почему?

- Потому что ты тоже нравишься мне, Дэзи. У нас не может быть будущего, но мы можем провести некоторое время вместе прямо сейчас. Если тебе этого мало, я отпущу тебя,

потому что на большее не готов. Честь по отношению к тебе и семейный долг удерживают меня.

- Я всё понимаю. Я буду рада любому вниманию, которое вы уделите мне. Даже если мы просто посидим рядом у камина, это уже станет лучшим моментом в моей жизни.

Я говорила правду, ведь его взаимность – это всё, о чём я пока могла мечтать.

- Этими словами ты даёшь понять, как сильно я тебя недостоин.

Он приблизился ещё более, и его рука заскользила по моей спине. Это были секунды блаженства. Мгновения, обращённые в вечность, и наоборот.

Он то обнимал меня, то гладил по спинке. Он прижимался щекой к моей щеке и шептал всякие нежности. Он целовал мои пальцы, но так и не коснулся моих губ. Он был таким же робким и благоразумным, как и я. Мне было хорошо в его объятиях. Он дарил мне незабвенную любовь и заботу, всё, на что только был способен.

Мой Криденс. Я отдала ему своё сердце навеки.

Но неожиданно он отпустил меня и подошёл к камину. Встал спиной, потом развернулся, и я снова отметила то выражение на его лице, будто он хочет обратиться ко мне с чем-то серьёзным. Я немедленно встала и подошла к нему, взяла его руки в свои, и всем своим видом дала понять, что готова выслушать его.

Он прижал меня к себе, снова стал гладить спинку и за-

говорил:

- Ты дорога мне, милая Дэзи. Если бы ты попала в беду, я сделал бы всё, чтобы тебе помочь.

- И я готова ради вас на всё! - вскричала я, потому что чувствовала, что он нуждается в моей помощи.

- Правда? – в его голосе прозвучало столько надежды. Он посмотрел на меня.

- Да. Расскажите мне, что вас мучает. Обещаю, от меня никто никогда не узнает, что нас связывает. Я готова помочь.

- Значит, я могу рассчитывать на твою помощь, Дэзи? – в его глазах отражалась боль вперемешку с нежностью.

- Всегда. От меня не укрылось, что вы чем-то озабочены. Я знаю, это как-то связано с вашими гостящими друзьями.

- Ты не должны забивать свою головку моими проблемами, - он коснулся моей щеки. – Хотя бы сегодня. Тебе пора.

Он отпер дверь и первым убедился, что коридор пуст.

На прощание он многообещающе пожал мне руку. Он так и не сказал, в чём его проблема, хотя я горела желанием помочь. Он так благороден! Он щадит меня и не хочет загружать своими проблемами.

Вот. Произошло то, на что я не смела надеяться. Только об этом и могу думать… О, Криденс!

Утром леди Марлена не заметила моё возбуждённое состояние, хотя к подобным вещам она очень чувствительна. Скорее всего, это от того, что на сегодня назначена поезд-

ка к развалинам в нескольких милях от посёлка, и маркиз будет снова добиваться её расположения. Мастер Криденс с друзьями обещал позднее присоединиться к ним. Как бы я хотела быть там с ними! Почему жизнь так несправедлива, и одних судьба одаривает щедро, а другие должны довольствоваться малым?! Мой удел – краткие ночные встречи, брошенные украдкой взгляды и постоянные опасения, что нас раскроют, что меня накажут. Как глупо наказывать за чувства, над которыми мы не властны.

Возлюбленный мой, если бы ты знал, как сильно я люблю тебя!

Опять вынуждена писать ночью, вернее, ранним утром, потому что это должно быть записано, пока подробности ещё свежи в памяти. Сейчас половина пятого утра. Заснуть я всё равно не смогу, так что доверюсь тебе, мой дорогой дневник.

Ну и ночка была! Подобная авантюра пришлась бы по вкусу моей хозяйке.

Я спала, но в три часа ночи была разбужена мастером Криденсом. Мастер Криденс в моей комнате! На женской половине слуг! Я боюсь даже подумать о том, что было бы, если бы нас застукали в моей коморке. Хорошо, однако, что моя комната крайняя и обитаю я в ней одна (леди Марлена особо настояла на этом ради собственной выгоды; она может быть милой и настойчивой одновременно, и тогда ни дворецкий, ни экономка ни в чём не могут ей отказать).

- Дэзи, Дэзи, милая, мне нужна твоя помощь! – произнёс мой возлюбленный, когда я вконец проснулась. По его виду я сразу поняла, что сам он ещё не ложился, и что произошло нечто ужасное, раз кроме меня, ему больше не к кому обратиться. – Только ты можешь мне помочь. Надеюсь, ты не боишься вида крови. – Его глаза горели.

Я помотала головой.

Кровь не пугала меня, как и многие другие, более жуткие вещи. С леди Марленой я стала привычной к подобным зрелищам.

- Идём со мной, но помни, что необходимо соблюдать тишину. Накинь эту шаль и не обувайся. Твои подмётки ужасно стучат, - отдавал он распоряжения.

Я молча подчинилась. Он попал в большую беду, раз осмелился прийти ко мне в середине ночи, проделав путь через весь дом. Я сделаю всё, что в моих силах, и даже больше, чтобы помочь или избавить от опасности своего драгоценного, ненаглядного мастера Криденса.

Он крепко держал меня за руку чуть выше локтя и вёл за собой. В другой руке он держал лампу, которая едва освещала нам путь. Я почти ничего не видела, а вот он шёл уверенно и быстро. Босые ноги на продуваемых всеми ветрами досках пола сразу замёрзли, но приходилось терпеть, потому что тишина была нашим союзником и залогом нашего успеха.

Путь по тёмным лестницам и галереям показался мне очень долгим.

Мастер Криденс привёл меня в библиотеку, в которой огонь в камине почти потух. Между столом и креслом на ворсистом лиловом ковре лежал под простынёй распростёртый человек. Я сразу поняла, что он мёртв, а мастер Криденс прикрыл его для того, чтобы не травмировать меня. Его визитка была перекинута через подлокотник дивана, а рядом стоял таз с водой. Кроме этих, излишних здесь предметов, а также тела и кровавого пятна в помещении царил полный порядок.

Я подошла ближе. Рука выглядывала из-под простыни. Кровь запятнала рукав рубашки и ковёр. Раны я не видела и не могла сказать, что именно произошло.

- Томас случайно напоролся на нож, - сухим голосом сказал мастер Криденс. – Я перевернул его после того, как он упал, но лезвие проникло в самое сердце. Он умер мгновенно, так что я ничего не мог сделать.

- Как это произошло?

Он не ответил, и я обернулась к нему. Взволнованный мужчина выплёскивал содержимое двух бокалов в камин, и мне пришлось повторить свой вопрос. Он посмотрел на меня, вернул пустые сосуды на поднос на столике и стал заново разводить большое пламя. У него это выходило не так быстро и ловко, как получилось бы у любого слуги. Он нервничал, так что мне пришлось помочь ему. Только после того, как жаркий огонь разгорелся вновь, он заговорил спокойно.

- Когда все разошлись, мы перешли сюда и продолжили

разговор. Томас игрался с ножом, как обычно. Вертел его в руках и подкидывал. А потом вдруг упал, вероятно, приступ. Я предупреждал его не пить так много, но он всегда слушал только самого себя. Он умер, и я думал, что могу справиться один. Принёс таз и простыню, видишь, но…

- Так почему вы не разбудили родителей, например, - я осмелилась его перебить. – Ваш отец…

- Нет. Ты не понимаешь, Дэзи? Никто не должен знать, что произошло, иначе разразится страшный скандал, а наше имя появится во всех газетах. Могут даже подумать, что это я убийца, понимаешь? А всё вышло случайно. Мы должны перенести Томаса в его спальню, а потом прибраться здесь. Утром его, конечно, обнаружат, но я скажу, что в библиотеке мы посидели ещё с полчасика, а потом разошлись. Никто не усомнится, что он перебрал и по неосторожности напоролся на нож.

- Всё-таки я не понимаю, зачем переносить тело. Очевидно же, что это самоубийство, так что полиция никак не сможет обвинить вас. Вы же сын графа Грентама.

- Ты ничего не смыслишь в работе полиции, Дэзи. Если они не обвинят, так задержат меня, а газеты с радостью напишут всякую грязь. Так что я прошу не задавать никаких вопросов и просто сделать это для меня. Или твои обещания только пустые слова, а заверения в любви ничего не стоят? Я посчитал, что могу обратиться только к тебе во всём этом доме по этому деликатному делу, раз ты предана мне. Ведь

ты любишь меня, не так ли? И ты не можешь отказать, потому что только на тебя вся моя надежда.

Заглянув в его глаза, я отбросила все страхи и сомнения и принялась за дело.

Нет слов, чтобы описать, как в темноте мы тащили завёрнутого в простыню мертвеца. Я держала его под руки, а мой возлюбленный за ноги. Анна Радклиф могла бы писать с нас свой новый роман. Было неудобно и ужасно тяжело передвигаться с таким грузом, вдобавок я сильно мёрзла, потому что на полпути с меня свалилась шаль. До нужной комнаты я добралась уже в полном изнеможении. Мой сообщник велел положить Томаса на пол, сказал, что остальным займётся сам, и отослал меня обратно в библиотеку, пообещав присоединиться через несколько минут. Я подобрала свою шаль, вырисовывавшуюся светлым пятном на тёмном полу, но при этом ушибла об угол мраморного столика большой палец на ноге.

Мастер Криденс возник, когда я заканчивала замывать кровь на ковре. Он убедился, что бокалы и бутылка абсолютно пусты и несколько по-другому разместил поднос на столике. Затем проверил, как я вычистила ковёр, одобрил, мы вместе ещё раз убедились, что всё в порядке, после чего он сказал, что я могу возвращаться к себе.

- Я благодарен тебе, Дэзи. Нет слов, чтобы выразить насколько.

И тут он поцеловал меня. Это было всего лишь быстрое

касание к моим губам, но я прочувствовала всю силу его любви ко мне. Его губы были тверды и холодны, но меня пробрала дрожь. Он любит меня. Он покинул библиотеку первым, забрав таз с кровавой водой, а затем и я направилась к себе.

Я сглупила и сообразила об этом только, когда пришла пора направляться к леди Марлене. Чуть ли не бегом я бросилась в библиотеку, где у кресла на полу валялась позабытая мной окровавленная тряпка, лоскут от подола моей рубашки, которым я чистила ковёр. Шестое чувство выручило меня, не иначе. Я собралась забрать её, но тут услышала приближающиеся женские голоса и только и успела, что ногой подпихнуть её под диван.

- Дэзи? – вошла сама миледи и с ней вдовствующая графиня. Я обмерла, представляя, как нелепо и неуместно выгляжу. – Ты что здесь делаешь? Разве ты не должна помогать моей дочери?

- Она ещё спит, миледи. Я как раз направлялась к ней, когда на пути мне встретился мастер Криденс. Он потребовал в срочном порядке, чтобы я растопила камин в библиотеке. Потому я здесь.

Я сделала пару шагов, но снова замерла в нерешительности.

- Очень странно, почему он не позвал Анну. Это её работа, не твоя. И зачем ему библиотека так рано? У него были

какие-то планы с друзьями.

- Я не знаю, миледи. Мастер Криденс был очень недоволен, но мне не трудно растопить здесь камин, а потом я сразу пойду к леди Марлене.

- Хорошо, но я сделаю Криденсу замечание. Не годится, чтобы он распоряжался тобой подобным образом. И раз уж я тебя встретила, если Марлена спросит, мы ушли в больницу на собрание попечительского совета. Вернёмся к чаю.

- Хорошо, миледи.

Они ушли, и я мигом запихала в карман важную улику. И как раз вовремя, потому что явилась Анна. Я перепоручила ей заботу о камине и отправилась к своей госпоже.

А минут через сорок в доме начался настоящий хаос. Камердинер Томаса наконец-таки обнаружил своего мёртвого хозяина, и поднял шум на весь дом, переполошив окружающих и поставив всех нас с ног на голову. До приезда полиции моя хозяйка пожелала хотя бы на минутку пробраться в комнату с трупом. Ещё бы, мертвец в собственном её доме. Не знаю, что она там делала, пока я создавала панику в другом месте, отвлекая внимание на себя, но вышла она оттуда с явными признаками удовольствия на лице.

Когда шумиха немного утихла, и посторонние люди покинули Грентам-Мэнор, мистер Карсон сообщил нам без подробностей о самоубийстве. Было сказано лишь, что Томас по неосторожности смертельно ранил себя во время приступа. У коронера никаких сомнений в происшедшем не воз-

никло. Лишь двое в этом доме знали полные обстоятельства ночного происшествия.

Мне так казалось, пока леди Марлена не заявила:

- Это не самоубийство. Его убили.

И вся моя вера в истину разом пошатнулась.

В этом вопросе я могла безоговорочно верить своей госпоже. Насчёт смертей леди Марлена никогда не ошибалась, она разбиралась в них так же хорошо, как в модных нарядах.

Её слова означали, что мастер Криденс в чём-то солгал мне, и это причинило мне боль. Почему он так поступил? Мне вдруг стало казаться подозрительным, что он был так некстати обеспокоен чистотой бокалов и растопкой камина. А зачем он задержался в комнате Томаса? Меня как молнией поразило. Он что-то подмешал в напиток своему другу, а потом убил его. Но разве он мог? Какие кощунственные мысли возникли у меня, а ведь возлюбленный был для меня едва ли не святым. Кто-то другой убил Томаса случайно или намеренно, а мастер Криденс лишь покрывает настоящего убийцу. Вот, в чём истина. Я похолодела. Моя хозяйка спросила, всё ли со мной в порядке. Я сослалась на нездоровье и покинула её.

Я не хотела верить в то, что мой ненаглядный может иметь отношение к убийству.

И весь день я подкарауливала его. Во-первых, хотела сказать, что подобрала лоскут и уничтожила последнюю улику; во-вторых, хотела оценить его поведение. Но все мои намёки

были проигнорированы. Он даже не смотрел в мою сторону. Не могла же я заявиться к господам на ужин и потребовать правды.

Но я спросила у леди Марлены, какова была атмосфера за столом. Причину её радости я понимала. Происшествие в доме побудило гостей покинуть назавтра наш дом, в том числе и маркиза. И затем я узнала кое-что любопытное. Её брат выглядел заметно веселее и оживлённее, несмотря на всеобщую подавленность.

Проблема решена. Мёртвый Томас уже не представляет угрозы. Так значит, это он мучил моего возлюбленного.

Мне так не хочется думать, что мастер Криденс может быть убийцей, но все факты говорят за это. Для подобного поступка у него должна была быть веская причина. Я готова его оправдать в любом случае, не потому, что ненароком стала соучастницей, но потому, что безмерно его люблю. Я всё пойму и готова разделить с ним любую ношу. Я наберусь храбрости и узнаю правду от него самого.

Я хотела прийти к нему, но уснула, утомлённая предыдущими бессонными ночами.

Все гости уехали, к вящей радости моей хозяйки. И мастер Криденс с ними. Отбыл в столицу по делам на несколько дней. Вот всё, что мне удалось узнать. Это избавляет меня от того шага, к которому я пока не готова. Узнала, что милорд благодаря своим связям сделает всё возможное, что-

бы смерть мистера Томаса в его доме не сделалась достоянием гласности и дешёвых газет. Как человек старой закалки, он трепетно относится к репутации своей семьи. Для этого сегодня ему тоже придётся уехать. А у миледи продолжаются заседания в больнице, так что леди Марлена получила относительную свободу, запланировала кое-что, и я буду неотлучно при ней.

Два дня не имела возможности писать, потому что была очень занята. Леди Марлена поделилась со мной подробностями загадочной смерти, жаль, что и я, в свой черёд, не могу открыть ей все обстоятельства той ночи. Но теперь я больше чем уверена, что мой возлюбленный поступил не так, как сказал мне. И это гнетёт меня. Недосказанность мучает. Есть веская причина такому его поведению, и я узнаю её.

Мастер Криденс вернулся.

Мучилась два дня, прежде чем решилась заявиться к нему без приглашения. Мой дорогой дневник, то, что произошло в его комнате между нами, было ужасно. И почему всё это случилось именно со мной? Ещё вчера всё было так прекрасно, и я смотрела на него как на божество. Позволь же, я всё расскажу тебе.

Я пришла к нему, когда все улеглись. Дверь не была заперта, но меня он не ждал, конечно. И он не был мне рад, я

это сразу почувствовала. Он сказал, что очень устал, и слушал меня только из-за своей джентльменской вежливости. Как быстро переменилось его отношение ко мне! Всё то время, что я говорила, он сидел со скучающим видом. Я ни в чём не обвиняла его, только поведала о своих подозрениях и попросила открыть всю правду, какой бы она ни была. Я заверила, что не перестану его любить в любом случае.

- Мне нечего сказать тебе, - ответил он. – Оправдываться перед тобой я не собираюсь. Твои подозрения – твоё личное дело. Даже если я убийца, с чего бы мне открывать перед тобой душу?

- Не шутите так, прошу вас. Этими словами вы причиняете мне боль.

Как он может насмехаться? Я умоляла его сказать, что всё это неправда, что он лишь покрывает другого убийцу по доброте душевной.

- Не стану ничего говорить, тем более простой служанке. Ты меня совсем не знаешь.

- За что вы так со мной? Я же вас люблю. Почему вы так говорите? Что я такого сделала? Куда пропала вся ваша любовь? Это потому, что я пришла с обвинениями, да? Умоляю, простите меня, простите, - я захлёбывалась словами, а затем встала перед ним на колени.

- Всё зашло слишком далеко. Пора положить этому конец, Дэзи! Я тебя не люблю и не любил. Так вышло. Я заметил твой интерес ко мне и намеренно подыграл, чтобы, когда

придёт время, ты не отказала бы мне в помощи. Ты приняла всерьёз мою игру, но я тут не при чём. Я не думал, что горничная воспримет все мои заверения в любви как непреложную истину. За оказанную помощь спасибо тебе, но между нами больше ничего быть не может. Надеюсь, ты понимаешь, что приходить ко мне больше ты не должна.

Эти слова привели меня в чувство. Я поднялась с колен. Жар прилил к моим щекам. Мастер Криденс сидел с надменным видом превосходства. Его безупречное лицо оставалось неподвижным. Он не отрицал ничего. И тут я постигла всю глубину его лицемерия. Он использовал меня ради своей цели. Он ничего ко мне не питал. Он был убийцей.

- Раз так, я всё расскажу вашему отцу. У служанок тоже есть своя гордость. Пусть даже меня посадят в тюрьму, но и о вас узнают.

- И что? – нахально заявил он. Истинный представитель своего класса, жестокий и эгоистичный. Не тот, кого я полюбила. Как же была я слепа, раз не разглядела в нём истинную личину. Верно говорят, что себе мы воображаем идеал, которого нет.

- Даже если ты расскажешь, тебе никто не поверит. Во-первых, факт самоубийства подтверждён. Во-вторых, никто не поверит, что я пытался тебя соблазнить ради того, чтобы ты помогла скрыть следы моего преступления. Родители знают о моей особенности, - он ухмыльнулся.

- Не понимаю, - промямлила я. – Ничего не понимаю.

- Чего тут не понимать, глупая идиотка! Да, это я убил Томаса, но виноват в этом только он. Нечего было шантажировать меня. Ему как-то удалось заполучить те непристойные письма, что я писал одному глупцу. Он хотел унизить меня, уничтожить в глазах света, потому что завидовал моему положению и тому, что я порой выхожу сухим из воды. Сам-то он всегда ратовал за «нормальность», а меня ненавидел. Я недолго обдумывал, как избавиться от него, тем более что этот наглец сам заявился в мой дом. Я подмешал в его бокал кое-что, а потом его же собственной рукой всадил ему в сердце нож и сбросил на пол. Это сделал я! Я! Но ответственность за преступление лежит и на тебе тоже! А теперь убирайся отсюда, и можешь рассказывать кому угодно. Тебе никто не поверит, потому что я в жизни не касался женского тела. И чтобы тебе было ясно, если это тебя утешит, когда я тебя целовал, мне казалось, что я целую разложившийся труп, до того мне было противно.

Я выбежала из его комнаты, захлёбываясь слезами.

Его слова убили меня. Слёзы душат меня до сих пор. Я хочу умереть.

Моё чувство принесло мне глубочайшее разочарование. Разве может мужчина называться джентльменом, совершая подобные поступки?

Любовь должна возвышать человека, а не доставлять ему непереносимую боль.

Почему я не родилась в ином мире?

Я больше ничего не стану записывать.
Я переживу это.
Но в этом доме я больше не останусь.

Рассказы мсье Ди

Всё началось с того, что моя горничная Дэзи, которую я считала своей подругой, внезапно решила уволиться и покинула Грентам-Мэнор с изрядной ловкостью. О своём решении она не сказал мне ничего, а ведь я всегда считала, что мы доверяем друг другу, ведь со мной ей приходилось участвовать во многих моих похождениях и проделках, и не раз она спасала меня от родительского гнева и помогала выпутаться из затруднений в последнюю минуту. О её позорном бегстве, иначе её поступок не назовёшь, меня поставила перед фактом Беккет, горничная моей матери, которая пришла утром будить меня вместо верной служанки. Как только я была готова выйти из комнаты, я немедленно отправилась к Карсону, нашему дворецкому, который нянчил меня с детства и с которым у меня сложились доверительные и вполне близкие отношения, и потребовала сказать мне, по какому праву он, экономка или кто-либо ещё уволили мою горничную. Я желала, чтобы её как можно скорее нагнали и вернули обратно, даже если она уже села на поезд, едущий в самую далёкую даль нашей страны. Но ни дворецкий, ни экономка не были в курсе внезапного исчезновения Дэзи, так что я отправилась прямиком к своему отцу. Он собирался уходить, но я настояла на немедленном разговоре. На мои расспросы он ответил, что Дэзи заявилась к нему ранним утром и сказа-

ла, что вынуждена немедленно покинуть этот дом. Причины она не объяснила. Девушка даже не хотела брать расчёт, так спешила уйти. Отец, конечно же, её отпустил, снабдив рекомендацией и причитающейся суммой. Мне же было велено терпеть, пока он не даст объявление в газету и подходящая кандидатка не явится. Мне как-то не верилось, что Дэзи вот так запросто пришла к моему отцу. Она всегда робела перед ним, и я не припомнила ни единого раза, чтобы они говорили друг с другом, даже когда попросила отца пригласить её на танец на новогоднем балу для слуг. Поэтому всё это выглядело крайне подозрительно, тем более что по её вчерашнему поведению я не могла сказать, что она была чем-то опечалена или озабочена. В её лице и словах ничто не указывало на то, что она собирается меня покинуть. Я никак не могла постичь причины её такого внезапного бегства. В нашем доме её никто не обижал, по моей просьбе ей выделили отдельную комнатку на половине слуг, она не подчинялась ничьим распоряжениям, кроме моих, а сама я предоставляла ей достаточно свободного времени, на праздники же дарила щедрые подарки, а за некоторые её услуги вознаграждала особо. Но, видимо, я так и не научилась постигать тайны чужих сердец. И поступок Дэзи лишь ещё более укрепил меня в мысли, что мёртвые достойнее живых, и мне не стоит жалеть, что нашему обществу я предпочитаю своих возлюбленных мертвецов. Но, тем не менее, уход Дэзи меня очень расстроил. С этой девушкой я провела бок о бок несколько

лет и вместе взрослела.

Некоторое время Беккет приходилось обслуживать нас обеих: мою мать и меня. Она начала работать у мамы в то время, когда та вышла замуж и только-только вернулась с отцом из свадебного путешествия, так что я знала её всю жизнь, но между нами, конечно, не могло быть той близости, какая была с Дэзи. Сама Беккет не имела ничего против, чтобы обслуживать и меня тоже, но по времени получалось накладно. Мама привыкла рано вставать, как и отец, а вот я предпочитала поздно ложиться, поэтому Беккет приходила меня будить, по моим меркам, очень рано, я стала чаще чувствовать себя вялой по утрам, да и по вечерам она приходила раньше, чем следует, едва ли не после ужина. Так что я с сожалением вспоминала Дэзи и с нетерпением ожидала новой личной горничной.

Мне хотелось, чтобы моя служанка по возрасту подходила мне или была чуть младше, потому что так бы у нас быстрее выстроились те отношения, которые были мне нужны. Но как назло все кандидатки были сорокалетними бабёнками, и я отказывала одной за другой. Это всё война. Ныне молодые женщины и девушки предпочитают работать в конторах, осваивая навыки печатания на машинке с поразительной быстротой, а не идти в услужение к отживающим свой век аристократам, как они за глаза называют нас. Только более старшее поколение ещё готово приниматься за привычную работу. Но я была непримирима и хотела получить же-

лаемое во что бы то ни стало, впрочем, как обычно, пока отцу не надоели, как он выразился, мои «капризы и фокусы», и он не оборвал мои поиски твёрдым движением руки и крепким словом. На следующий же день у нас стала работать моя новая горничная.

Звали её Анна Свенсон. Ей было тридцать лет. Не такая старая как предыдущие претендентки на должность, но и не настолько близка мне по возрасту, как того хотелось. Думаю, отец остановил свой выбор именно на ней, потому что у Анны были отличные рекомендации от одной герцогини, которая совсем недавно была вынуждена переехать с мужем в Индию по финансовым причинам. Отец вообще имеет склонность заботиться о престиже семьи и иногда внешние эффекты для него дороже внутреннего содержания. Он и пить не станет из новых бокалов, если не удостоверится, что их происхождение достойно его руки. И действительно, на работу Анны у меня не было никаких замечаний. Она прекрасно со всем справлялась и вдобавок была в курсе всех модных новинок. Я сама имею неудержимое влечение к экстравагантным нарядам, так что уже в первый день у нас нашлось, о чём поговорить. Но, несмотря на это, я не собиралась откровенничать с ней и в тайне не избавилась от мысли, что всё-таки сумею отыскать подходящую девушку, пусть даже без опыта работы. Дэзи тоже была неопытной по-первости, но очень быстро стала незаменимой служанкой. Для меня в хорошей горничной самым важным были качества её

характера, а не навыки в одевании и раздевании, в составлении гарнитуров в одежде и украшениях, и в плетении разнообразных причёсок. И я очень рада тому, что ни разу в присутствии Анны даже не заикнулась об иных своих пристрастиях.

Она сильно подвела меня. Даже более того, поступила очень недостойно. И я ещё больше разочаровалась в характере живых и начала задумываться, а живут ли ещё вообще где-нибудь достойные люди, или они безвозвратно исчезли, как и минувший век. Из-за Анны в моей жизни произошла катастрофическая неприятность, и я лишилась, по воле родительской, очень многих вещей, дорогих и ценных для меня. Если я и буду когда восстанавливать утраченную коллекцию, придётся начинать с самого начала, а ведь кое-что было настолько оригинальным, что его не заменишь ничем.

Эта истеричка, моя служанка, иначе её не назовёшь, проработала у нас всего восемь дней, после чего распсиховалась, устроила скандал на весь дом, потребовала расчёт и удалилась, раздувшаяся от гордости в свой правоте. Никто не позволял ей рыться в моих вещах. Это низость, поступок, которому подвержены только представители низшего класса. Не знаю, с какой целью она рыскала по всем моим шкафам и комодам, но обо всём обнаруженном было незамедлительно доложено моему отцу, а тот, конечно же, поделился этой информацией с матерью.

Но лучше я начну с самого начала, чтобы было понятно,

по какой причине я хранила подобные вещи в своей комнате, и почему их присутствие навлекло на меня такие последствия, и многие беды с того времени обрушились на мою бедную голову.

Впервые это случилось со мной в десятилетнем возрасте, когда меня и брата обязали присутствовать на похоронах дедушки, девятого графа Грентама. Нас по очереди подводили к обитому тёмной тканью гробу, усыпанному благоухающими цветами, чтобы мы могли проститься с нашим дедом. Я впервые увидела смерть так близко. И эта близость тлена и гнили вдруг наполнила мою душу прежде не испытанным восторгом, заставляя кровь бежать быстрее и разгорячая сердце. Я постигла, что смерть полна очарования. Я чувствовала, что вот-вот узнаю нечто большее, какую-то великую тайну жизни и смерти, но уже в следующий миг меня увели прочь от гроба и этой комнаты. Весь этот день я испытывала необыкновенную бодрость, возбуждение и оживление, что никак не вязалось с состоянием других членов семьи, и никакая нянька не смогла бы унять моей энергии.

А потом меня взяли и на кладбище. Глубокая скорбь присутствовала в моём сердце к любимому дедушке вперемешку с зарождающейся любовью к этому месту и его обитателям. С каждым вздохом я ощущала прилив свежих сил, и какой-то едва слышимый гул обращал на меня своё внимание. На мои настойчивые расспросы взрослые и брат сказали, что ничего не слышат. Мне объяснили, что на кладби-

щах не бывает ничего потустороннего, что это всего лишь место скорби. Территория захоронений. Я же настаивала, и родители посчитали, что у меня слишком впечатлительная психика. Только впоследствии я поняла, что то был шёпот мертвецов, взывающих из своих могил к миру живых.

С каждым годом я взрослела и всё больше постигала себя. Я осознала, что всю полноту чувств могу испытывать лишь в присутствии бездыханных тел, вслушиваясь в диковинные звуки, ясные лишь для моих ушей. На кладбищах я всегда с тех первых в своей жизни похорон чувствовала себя всемогущей, и пребывание рядом с мертвецами стало для меня навязчивой потребностью. Но, понимая, что частые прогулки к тлену и разложению невозможны в жизни леди, я заменила их тем, что стала собирать всё, что могло хотя бы в отдалении быть связано со смертью.

Так смерть, красота и искусство стали нераздельны для меня. Моя коллекция стала расти, и очень скоро я уже не могла и дня прожить без того, чтобы не налюбоваться ею, пока отцовской волей она не была уничтожена полностью и окончательно.

Но полное наслаждение, даруемое смертью, стало приходить не раньше, чем два года назад, когда мне стали предоставлять относительную свободу, и я могла в одиночестве предаваться своим любимым забавам, когда никто, кроме Дэзи не знал, чем в действительности я занимаюсь, и не мог помешать мне наслаждаться тем, в чём я видела своё при-

звание. Ибо та моя страсть к тлену и разложению, и силе, которая способна отнять у людей всё, что они любили, всё, что им было дорого, сильнее меня. Я не способна бороться с ней. Она дана мне от природы, и она никак не может быть противоестественна, тем более что мои предпочтения и замыслы ни в коей мере не мешают жизни других людей. И я не понимаю тех, кто может осуждать мою странность. Самой природой мне даровано то, чем я владею. Я не властна над своими чувствами, так могу ли быть виновата в этом?

Я бываю на кладбищах так часто, как только могу, чтобы не вызывать подозрений. Я знаю один лаз в ограде рядом с кладбищенской церковью, через который имею обыкновение проникать в эту юдоль скорби в любое время дня и ночи, не привлекая внимания смотрителя своими похождениями.

Мёртвые непрерывно шепчут, обращаясь к миру живых, и порой мне удаётся разобрать отдельные фразы, обрывки слов и предложений, и тогда я отвечаю или утешаю их. Разговариваю с ними постоянно. Уверена, что меня они понимают прекрасно. Именно так я и узнала три истины мира мёртвых, в которые безгранично верю. Мертвецы не могут лгать. Мертвецам ведомо прошлое и будущее. Мертвецы не могут причинить никакого вреда живым. Это так же непреложно, как и то, что я леди Марлена Грентам и у меня пепельные волосы и светло-серые глаза.

Не знаю, есть ли другие люди, подобно мне слышащие призывы мёртвых. Медиумов и экстрасенсов сейчас полно,

но я всех их считаю шарлатанами. Общение с духами не может осуществляться за плату и в той манере, в какой они проводят сеансы, устраивая из этого шоу. Подобным поведением мы оскорбляем тех, кто делится с нами секретами бытия. Если бы мне только научиться во всей полноте понимать их речи, разбирать этот тихий шёпот, я могла бы стать их голосом в нашем мире. Я разоблачала бы убийц безвинных мучеников, я исполняла бы последнюю волю умерших и передавала вести из загробного мира скорбящим родственникам. Я сделала бы общение с мёртвыми своей работой, от которой получала бы огромное удовольствие. Я бы не знала, что такое усталость и бессилие. Я стала бы величайшей прорицательницей, и может быть, именно мне открылась бы завеса между жизнью и смертью. Однажды я уже была близка к этому. Я хочу помогать и мёртвым, и живым. Вот, в чём заключается для меня смысл моего существования. По мнению же моих родителей, моя главная цель удачно и как можно скорее выйти замуж и осчастливить Грентам-Мэнор прибавлением внуков. Обидно до слёз, что они не требуют того же от Криденса. Он мой старший брат, а значит, наследник, и титул перейдёт к нему. Пока шла война, я могла избегать общества навязчивых ухажёров, но этим летом я не знаю, как смогу уберечься от грозящего мне брака, тем более что вниманием мужчин я никогда не была обделена. А всё из-за этой Анны!

Я несколько лет занималась составлением коллекции, свя-

занной со всем, что имеет отношение к смертям, потустороннему миру и моим возлюбленным мертвецам. Репродукции полотен известных художников на тему вечности или кладбищенские пейзажи, рисунки и наброски крестов, могил и надгробий, которые на заказ для меня исполняли малоизвестные художники. Настоящий человеческий череп, жемчужина моей коллекции, за который я заплатила золотом полгинеи одному старикашке сторожу, который выкрал его для меня в анатомическом театре. У меня хранилось собрание книг, в которых смерть описана прекрасными словами, а встречи с призраками леденят кровь. Слова, на которые только способно воображение поэта. Чего стоит один лишь несравненный По, величайший из гениев. Баллада «Ворон», поэма «Линора», «Аннабель-Ли», «Пэан». Я знаю их все наизусть. «Линора» остаётся моей любимой и всегда вызывает у меня слёзы - трогательная баллада, которую я рассказывала тысячи раз своим шепчущим друзьям. Я сотни раз читала мрачные строки из этих книг своим возлюбленным мертвецам, и их голоса умолкали на краткое время, слушая мой прелестный голос, воистину скорбящий о тех, кто ушёл. В моей коллекции имелась траурная вуаль со шляпкой, в которой я неизменно гуляла по улицам могил, всевозможные засушенные венки и цветы со свежих надгробий, которые я приносила с каждой прогулки, замшелые ветви деревьев, напоминающие скрюченных монстров и полные гнили – аромат, ввергающий меня в экстаз. И многие другие мелочи,

держа в руках которые, я могла предаваться мыслям о страдании и преждевременной кончине, о боли и потере, о разлуке и горечи, наконец, о смерти, любви и красоте, как о единой сущности, разогревая своё сердце, заставляя себя сильнее прочувствовать всё, что меня окружает, впиться губами в полноту жизни. Все эти вещицы я хранила с любовью, бережно и аккуратно в своём сундучке до тех пор, пока костлявые пальцы Анны не перерыли в нём всё вверх дном, пока она не побежала к моему отцу с криками и правдой об отвратительном увлечении его дочери.

К моей радости, раздувшаяся от гордости и правоты Анна Свенсон в тот же день уволилась, но мне пришлось иметь серьёзный разговор с отцом в его кабинете и выслушать много чего нелицеприятного о себе. Однако его гнев был не так силён, как мог бы быть, узнай он больше о моей страсти и похождениях. Ведь в его обвинении против меня были только слова нерадивой горничной да сундучок, в котором большую часть всё-таки занимали книги и рисунки. И только череп мог служить серьёзной уликой. В своё оправдание я заявила, что меня занимает тема вечности в искусстве, но правду открыть мне пришлось, где я взяла череп и кладбищенские венки. Отец подстроил мне ловушку с помощью каверзных вопросов, в которую я попалась, противореча сама себе в своей оправдательной лжи. Родитель уличил меня, но и тогда я открыла лишь часть правды. Сказала, что заплатила сторожу, чтобы он достал эти вещи для меня, потому что не

хотела забывать о том, что мир не вечен и все мы смертны. И в подтверждение того, что держала эти вещи у себя совершенно безвинно, я указала на репродукцию картины одного флорентийца, где монах размышляет о вопросах бытия, держа человеческий череп перед собой, а на его столе лежит похоронный венок. Мне чудом удалось избежать серьёзного наказания благодаря вмешательству мамы, которая не упустила случая напомнить, что философия не к лицу молодой барышне с блестящим приданым, у которой в жизни всего в достатке. Мой поступок был посчитан глупым увлечением, однако всю мою коллекцию отец велел уничтожить. Сундучок вернулся в мою комнату вычищенным и абсолютно пустым, а на следующий день на моём столе появились книги нравоучительного характера с религиозным уклоном в сторону напоминаний о достойном поведении женщины, как супруги и матери в первую очередь. Мне пришлось прочитать их все от корки до корки, а потом отвечать перед родителями, что я поняла из их содержания. И вдобавок свидетелем моего унижения стал Криденс. В его присутствии я обещала родителям исправиться и стать лучше, клялась, что буду думать о замужестве, как о серьёзной вещи и избавлю свою голову от ненужных мыслей, которые мне вовсе не к лицу. С братом мы были довольно близки и потому уважали слабости друг друга, так что его сочувственные взгляды и слова ободрения, сказанные наедине, делали мою жизнь чуточку лучше в этот тяжёлый период.

Пока я занималась своим исправлением, бабушка нашла для меня подходящую горничную и прислала её в Грентам-Мэнор. Новая служанка была вдовой двадцати пяти лет с двумя детьми, с которыми проводила время её престарелая мать, пока дочь работала. Мария оказалась понятливой и расторопной, её скромность не позволяла ей рыться в вещах хозяйки, но у нас не было ничего общего. Она только и могла говорить о своём погибшем на войне муже, каким замечательным он был, да о детях, которые вчера сделали то, утром поступили так, и как её мать не может нарадоваться на таких смышлёных деток, которых она отправит в хорошую школу. Уж они-то точно не будут работать в услужении в богатых домах, не в обиду мне будет сказано. Ей было совершенно наплевать на то, как прошёл мой день, и мода её тоже не интересовала. Она была поглощена только своими семейными заботами. Я слушала её ежедневные кудахтанья исключительно из вежливости. Как только она входила в комнату, само её присутствие уже навевало на меня скуку.

В таком мучительном темпе проходили мои дни весны. Сущим наказанием была Мария, эти книги; я невыразимо горевала о потере содержимого дорогого сундучка и мучилась от того, что не могу, как прежде, в любой момент насладиться смертью и пребывать в неописуемом восторге. Только грёзы о возлюбленных мертвецах перед сном помогали мне укрепить свой дух и пережить ещё один день. На кладбище я на некоторое время перестала ходить не только, чтобы убе-

диться, что за мной не шпионят слуги, подосланные отцом, но и потому, что со мной не было моей верной Дэзи и некому было прикрыть мою спину в случае чего. Да и выбираться в одиночестве из дома было намного труднее.

О, Дэзи, Дэзи, что с тобой стряслось, раз ты решилась оставить свою подругу и так внезапно скрыться в неизвестном направлении? Зачем было убегать? Надо было поделиться со мной своей проблемой, я помогла бы тебе в любом случае. Не деньгами, так своим положением.

Мы с ней столько всего пережили вместе. Со мной она стала привычной к мёртвым телам. Как вспомню нашу неделю в Лондоне, когда я посетила, наверное, чуть ли не все кладбища столицы, когда я переодевалась сестрой милосердия, чтобы попасть в военный госпиталь, раненым солдатом с перевязанной головой, скрывая под бинтами свои чудные волосы, чтобы свободно бродить по анатомическому театру и захаживать в морг. С помощью верной и незаменимой Дэзи я подкупила сторожа и полночи провела в городском морге среди вздувшихся полуразложившихся утопленников, чьи души взывали ко мне из глубины хладных тел. Она помогала мне и в собственном доме, пока у нас размещался госпиталь для раненых офицеров. Если только кто-нибудь из тяжелораненых умирал, я обязательно старалась провести с трупом один на один некоторое время. С помощью верной Дэзи я ускользала в ночи, дабы побродить среди могил небольшого кладбища в посёлке, чтобы постоять у памятника павшим

воинам, а под утро незаметно возвращалась в свою комнату. Родители ни о чём не догадывались. Дэзи всегда прикрывала меня, даже если между нами заранее не было никакой договорённости. Она с поразительным спокойствием относилась к моим увлечениям, с поразительным терпением всякий раз избавляла меня от опасности быть наказанной. Она считала мои ночные вылазки полными романтики и не имела ничего против, если и ей приходилось смотреть на мертвецов, но старалась не мешать мне в моём уединении с ними, хотя всё-таки ни разу она безжизненных тел не касалась. Я не упускала случая поблагодарить её. И она всегда казалась мне довольной жизнью. И я всё никак не могу понять, что же такого случилось, что она так внезапно покинула Грентам-Мэнор и оставила меня в одиночестве. Как она только могла подумать, что я брошу её в беде? Выход из любого положения можно найти, если поделиться с кем-то. Я даже не знаю, в каком случае можно так трусливо сбежать.

Когда же я перестала обижаться на то, что брошена и оставлена в одиночестве, когда нудные книги были прочитаны, а брату надоело подшучивать надо мной по поводу и без, я наконец собралась одна на свой страх и риск наведаться в обитель своих возлюбленных мертвецов. Я сильно истосковалась по их шёпоту, по своему возбуждённому состоянию, которое одаривало меня чувством всемогущества, и полноте чувств, возможных только когда кровь кипит, а сердце бьётся. И как некстати отец объявил о том, что мы уезжаем в

Бат. Морской курорт был необходим матушке для поправки здоровья, для окончательного восстановления сил Криденса после ранения, и только мне было поручено не отдыхать, а благосклонно принимать ухаживания. Кто-то из кавалеров вполне мог стать моим будущим супругом. Отцом были сказаны несколько другие слова, более резкие, но смысл оставался именно таким. В Бате мне предстояло играть роль манящего цветка, к которому, как к сладчайшему нектару, слетаются пчёлы - богатые наследники знатных семейств.

Последний раз мы всей семьёй куда-либо выезжали в самом начале войны. Мы тогда навещали наших шотландских родственников, и мне не слишком понравилось в их холодном громоздком неуютном доме. За случайно обронённую фразу мне пришлось расплачиваться своей свободой, и все две недели я была обречена на общение лишь с миром живых. Все дни я чувствовала себя как увядающий бутон, и то путешествие показалось мне сущей пыткой.

Вот почему в Бат ехать у меня не было никакого желания. Я думала, что снова буду привязана к родителям и неотлучна при них в гостях каких-нибудь скучных особ. А чем дольше я находилась в отрыве от мира мёртвых, тем хуже себя чувствовала, так что, думаю, могла бы серьёзно заболеть, если бы в этом приморском курорте меня никуда не пускали по личным делам. Но вышло как раз наоборот. В первый же день каждый нашёл общество себе по душе, я имею в виду брата и родителей. Все мы немного расслабились, и за ис-

ключением званых вечеров с танцами, я могла распоряжаться большей частью дня по собственному усмотрению.

Место услады души моей отыскалось очень быстро, и уже на следующее утро сразу, как только проснулась и была готова к выходу на улицу, я отправилась на прогулку по чудесному небольшому кладбищу. Я всегда одеваюсь с большим шиком, люблю, чтобы одежда подчёркивала мою природную красоту, и наряды для посиделок у надгробий не становятся исключением. Я должна представать перед мёртвыми во всей красе. Своим посещением я выказываю им глубокое уважение и любовь. И я думала, что заслужила маленькое счастье после всего, что мне пришлось пережить и чего я была лишена прекрасными весенними деньками. Бат представлялся теперь райским местечком, в котором моя страсть вспыхнет с новой силой и позволит заново прочувствовать, как прекрасна жизнь и этот мир. Но не тут-то было! Возвращаясь с кладбища, я встретилась с маркизом Д'Ориньи.

Этот человек стоит того, чтобы о нём упомянуть. Мы познакомились, когда я около двух лет назад была представлена ко двору. Кавалеры вились вокруг меня с тех пор, как я стала девушкой. Они находят меня хорошенькой с моими пепельными волосами и светло-серыми глазами, а может, всё дело в моём приданом. Я привыкла к их вниманию, но, кроме симпатий к некоторым из них, во мне более глубоких чувств никогда не возникало, потому что моё сердце уже в десятилетнем возрасте отдано навеки другим созданиям. Я

могла бы привязаться к мужчине, только если бы он понимал меня, если бы к моей страсти не испытывал ни ревности, ни отвращения, но всё равно он никогда бы не стал номером один в моей жизни. Вот и маркиз Д'Ориньи являлся одним из тех, кто вьётся вокруг меня непрестанно. Во время войны он приезжал пару раз и писал мне во множестве. Я поддерживала с ним переписку только потому, что он очень живо описывал события и ход военных действий, а известия с фронта меня стали интересовать с первых же дней войны. Он вбил себе в голову, что я непременно должна стать его женой, да и мой отец находит его подходящим для меня спутником жизни. Пока Д'Ориньи стоит первым в отцовском списке тех, кому не следует отказывать в желании получить мои руку и сердце.

Маркиз не знал, что мы прибыли в Бат, но был рад продолжить сближение со мной. Он намеревался каждый день сопровождать меня всюду, куда бы я не захотела пойти, а я была так воспитана, что не смела ему отказать, ведь он был так вежлив и галантен, о чём пришлось пожалеть в последующие дни. Его назойливость и поощрение со стороны моего отца способствовали тому, что у меня не было ни малейшей возможности отправиться туда, куда я так стремилась сердцем и всей душой. Через четыре дня моё терпение лопнуло, и я в самых решительных тонах высказала маркизу всё, что о нём думаю, добавив, что моим мужем станет лишь тот, кто согласится разделить со мной ложе первой брачной ночи

на свежих могилах. После такого моего заявления Д'Ориньи мгновенно переменился в лице, холодно откланялся, и его как ветром сдуло. На следующий день, к моей огромной радости, я узнала, что он покинул Бат. Якобы срочные дела не позволяли ему более задерживаться здесь.

Долго радоваться не пришлось, потому что отец будто бы что-то заподозрил или ему кто-то на что-то намекнул в отношении меня. Он вдруг начал расспросы, чем я занимаюсь в одиночестве. Пришлось ответить, что каждый день хожу в галерею. Отец не терпит картин, если только это не он сам или знаменитые военачальники изображены в триумфальных позах на вздыбленных конях. Такой ответ мог бы порадовать его, если бы я добавила, что завела подходящие знакомства. Но так он только сказал, что мне следует чаще гулять в подходящей мне по возрасту компании, и в тот же вечер я была перезнакомлена по его наущению со всеми отпрысками достойных семейств, которые только в тот день вышли попить знаменитой лечебной водички. Благодаря особенностям своего характера, склонного к озорству и авантюрам и не лишённого живости и подвижности, мне быстро удалось сообразить, как, не переча родительской воле, могу я ублажать и потребности своей тонко чувствующей натуры. Пользуясь преимуществами предоставленной свободы, я всегда начинала свою прогулку с посещения художественной галереи, вращаясь в кругу молодых девиц, с которыми свела знакомство, и кокетничая с привлекательны-

ми неженатыми джентльменами, но затем резко покидала их с поразительной ловкостью и быстротой и отправлялась на встречу к своим возлюбленным мертвецам, подле которых проводила едва ли не лучшие часы минувших суток. Там я набиралась мужества и терпения перед званными вечерами в компании скучных лиц среди пустых разговоров и раздражающих меня намёков, на которые мне приходилось весело отшучиваться, хотя я того не желала и могла бы отвечать достаточно остро и ядовито.

Разумеется, через некоторое время мои похождения и уловки стали известны отцу, как и мой поступок по отношению к маркизу Д'Ориньи. Он вызвал меня к себе. Я почувствовала недоброе заранее, потому что он всегда призывал в кабинет меня или брата в случае, если был крайне недоволен нашим поведением. Такие его приглашения никогда не сулили ничего хорошего. И недаром. Отец был бледен от высшей степени гнева, голос его дрожал. Он назвал меня злодейкой и бездушной девчонкой, сказав, что порядочный человек мне бы и руки не подал. Ещё он сказал, что я – позор семьи и что место мне не в доме, а в Бедламе. Что он возлагал на меня большие надежды, а я оказалась ничем не лучше своего брата. Что его дети не достойны носить фамилию Грентам и что, несмотря на всё, чем он нас оделил, мы остаёмся неблагодарными и позорим его из-за своих капризов, чтобы только показать своё упрямство и независимость от родительской воли. Наконец он велел мне выйти вон. После

всего он так хлопнул дверью, что в соседней комнате со стены упала картина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.